

Адам Кшеминьски
(Варшава, Польша)

**Вина и покаяние. Тоталитарные революции в Европе XX века.
К политической философии Ханны Арендт**

Рассматривается вопрос о сущности тоталитаризма и революций в работах Арендт. Делается попытка ответить на вопрос о влиянии тоталитарных революций на судьбу Польши и о значении идей Арендт для понимания сущности феномена тоталитаризма.

The article examines the nature of totalitarianism and revolution in the works of Hannah Arendt. The author also tries to answer the question about the influence of totalitarian revolutions on the destiny of Poland and the importance of Arendt's ideas for the understanding of the phenomenon of totalitarianism.

Ключевые слова: Ханна Арендт, Иммануил Кант, Карл Шмитт, революция, тоталитаризм, Польша, холокост, политическая философия.

Key words: Hannah Arendt, Immanuel Kant, Carl Schmitt, revolution, totalitarianism, Poland, Holocaust, political philosophy.

Ханна Арендт по сей день дает достаточно материала для беседы о важнейших темах европейской, да и мировой истории XX века. В последние годы ее книги начали выходить на русском языке. Балтийский федеральный университет чтит память этой жительницы Кёнигсберга, так что подобный разговор должен пойти легче. Похоже, вслед за Иммануилом Кантом Ханна Арендт совершит своего рода «духовное возвращение» в город на Прегеле.

© Кшеминьски А., 2015

© Колбанёва С., пер. с нем., 2015

Однако вначале я хотел бы коротко представиться. Я родился в 1945 году, изучал германистику в Варшаве и Лейпциге, ни разу в то время не сталкивался с текстами Ханны Арендт. Моя внутривосточная социализация началась во время «польского октября» 1956 года, внешнеполитическая — во время восстания в Венгрии, прихода Кеннеди, строительства Берлинской стены и германо-польского спора о границе на Одере и Нейсе.

Важнейшие темы того времени, которые исследовала Ханна Арендт, — революция, тоталитаризм, вопрос вины — до нас, двадцатилетних, доходили уже отфильтрованными через цензуру, языковой барьер и настроение польской интеллигенции, бывшее скорее литературным, нежели философским. Положение изменилось в 70-х годах, после подавления протестов рабочих и после того, как Польша довольно широко открылась в сторону Запада вследствие политики разрядки. основополагающими, указывающими дорогу стали теперь философские сочинения, а не беллетристика; они определяли содержание внутривосточных дебатов в образованных кругах. Перевод солженицынского «Архипелага ГУЛАГ» на польский язык был напечатан в Париже почти одновременно с развенчанием марксизма в «Основных течениях марксизма» Лешека Колаковского. Обе книги взрывали моральные и философские основы системы. В сухом остатке — голая реальная политика, экономика и «советские танки в качестве аргумента», как писали Яцек Куронь и Кароль Моджелевский в 1965 году в письме в ПОРП, за что оба были приговорены к тюремным срокам. Их мечтой была «финляндизация» Польши.

Разверстая историко-философская дыра пробудила интерес к альтернативным польским философам. Свертывание оппозиционных группировок в ПНР сопровождалось переводами философов «критической теории» — Герберта Маркузе, Юргена Хабермаса, Теодора Адорно, таких книг, как «Бегство от свободы» Эриха Фромма, «Вопрос о вине» Карла Ясперса или «ЛТИ. Язык третьего рейха» В. Клемперера — превосходное исследование языка тоталитарного режима.

Случай Хайдеггера — его вступление в НСДАП и послевоенный отказ дистанцироваться от этого заблуждения — обсуждался публично. Я переводил и анализировал в журнале «Политыка» его знаменитое прощальное интервью журналу «Шпигель». Это ни в коем случае не было любопытством зевак, напротив, это был мысленный эксперимент на пути к нашему новому самопоиску. Как должна выглядеть польская «критическая теория», существует ли польское «бегство от свободы», как обращаться с собственным пропагандистским языком или как относиться к «вопросу о вине», когда вскрыется в Польше случай, подобный хайдеггеровскому?

Новые философские подходы, появившиеся в 1980 году, совпали по времени с «самой себя ограничившей революцией» (слова Яцека Куроня) движения «Солидарность», которое не укладывалось в марксистско-ленинские рамки, хотя тут пролетарии — как по учебнику основ марксизма — поднялись против угнетения и эксплуатации со стороны «нового класса». Бастующие не ставили вопрос о власти. Страна входила в Варшавский договор, а в 1974 году «доктрина Брежнева» была даже вписана в Конституцию.

Но с легализацией «Солидарности» монополия партии на власть была нарушена. Военное положение, которое генерал Ярузельский ввел 13 декабря 1981 года, не смогло уничтожить польскую революцию. Он лишь на несколько лет ее заморозил. В этом «холодильнике» военного положения и состоялось интенсивное открытие политической философии Ханны Арендт. Первые публикации появились в католическом журнале «Знак» летом 1981 года. В Варшавском институте германистики в то же время обсуждали тексты Арендт о революции, насилии и анархии. В свою очередь, оппозиционные социологи были захвачены ее работами о тоталитаризме. Адам Шосткевич недавно сказал мне, что для него, либерально-консервативного католика с высшим образованием, в ходе его внутреннего конфликта относительно антисемитизма в Польше решающее значение имела книга Ханны Арендт о тоталитаризме.

Он перевел большие фрагменты текста для самиздата. Вскоре он переводил уже «книгу об Эйхмане», которая вышла в 1987 году в издательстве «Знак» и стала бестселлером.

*Habent sua fata libelli*¹. «Истоки тоталитаризма» вышла в Польше в 1988—1989 годах в самиздате одновременно с книгой Карла Поппера «Открытое общество и его враги». Рассуждения Арендт о революции превосходно сочетались с настроением многих лидеров польского перелома. И — да позволено будет мне озвучить этот тезис — если бы в 1989 году она еще была жива (Арендт умерла в 1975 году), то как раз в Польше она бы, вероятно, нашла приближение реальной революции к идеальной в ее представлении. Потому что эта революция сама себя ограничивала. Именно потому, что она не была путчем «авангарда», то есть меньшинства. И потому что она лишила *ancien régime*² власти путем переговоров, не прибегая к «суду мести победителей».

Ханна Арендт верила, что некоторые элементы подобной революции осуществились в первые дни венгерского восстания 1956 года. Вероятно, ей бы понравилась формула «самоуправляемой республики» Яцека Куроня. Но можно только предполагать, как бы она оценила революции 1989 года в Восточной и Центральной Европе со всеми их аспектами — с Афганистаном, Горбачёвым, Рейганом и папой Иоанном Павлом II.

Философская «лихорадка Арендт» продлилась в Польше около двадцати лет. Альманах Арендт «Литература мира» 1985 года с эссе о Ванзейской конференции, о понятии правды в политике, а также с эссе о жизни созерцательной и деятельной — превосходно отвечали «духовной ситуации времени» в Польше. В 90-е годы и на рубеже столетий были опубликованы практически все ее работы, эссе, а также биографии, например «Ханна Арендт» Вольфганга Хойера или «История одной любви» Антони Груненберг о сложных взаимоотно-

¹ Книги имеют свою судьбу (лат.). — Прим. пер.

² Старый режим (фр.). — Прим. пер.

шениях с Мартином Хайдеггером, который был какое-то время ее учителем и любовником и контакт с которым она сохранила до самой смерти.

В 2013 году Ханна Арендт стала в Польше фигурой масштаба благодаря постановочно-документальному фильму израильской писательницы Савион Либрехт. Фабула проста: интервью с женщиной-философом для израильского телевидения, в котором речь идет об Эйхмане, снятое незадолго до ее смерти, противопоставляется образам-воспоминаниям о ее любви к Хайдеггеру. Можно было бы злопыхательно вернуть, что если кто-то становится мячиком в руках СМИ, он перестает быть «учителем-мыслителем». Нестыковки в частной жизни становятся важнее, чем здание его мыслей.

Что-то подобное случилось и в Польше с образом Ханны Арендт. Ее книги в наличии есть. В кинотеатрах показывают художественный фильм о ней. Но для молодых национал-консерваторов, которые задают нынче тон в политическом дискурсе, более актуален Карл Шмитт, нежели она. И не только в Польше. Теоретик мышления «друг-враг» в категориях зон влияния, похоже, больше угадал чаяния времени, чем философ, которая подавала пример либеральной мысли.

Прорыв в Соединенных Штатах она совершила в 1951 году, когда появились «Истоки тоталитаризма». Она доказала, что тоталитаризм разрушает основы западной цивилизации и что даже после исчезновения национал-социализма он остается скрытой угрозой для мира — в его сталинской форме. Такова была работа философа, аргументировавшего то как историк, то как социолог или ученая-политолог.

Предпосылкой к тоталитаризму, писала она, было падение классового общества. Не будь массового общества, не было бы и тоталитарного движения, которое, в свою очередь, служит предпосылкой для тоталитарного государственного устройства. Массы, по словам Арендт, состоят из «отчаявшихся, наполненных ненавистью индивидуумов». Люди, разобщенные и утратившие связи друг с другом, следуют за фюрерами,

за вождями, от которых они ожидают исцеления. «Без вождя масса — это просто стая, без масс вождь — пустышка»³. Но решающим для динамики тоталитаризма являются «союз сброда и элиты» и подогрев масс. Интеллектуалы как в Третьем рейхе, так и в СССР легко мирились с самыми фантастическими фальшивками и историческими фальсификациями, придуманными тоталитарной пропагандой.

По Арндт, неизменными условиями тоталитарного режима выступают идеология и направленная организация, поскольку они — как в войну — постоянно приводят массы в движение. Вожди провозглашают «железные законы» истории. Предпосылкой для тоталитарной массовой пропаганды является бегство от действительности в мир идеологической иллюзии. И вот уже реальные проблемы истолковываются как следствие вражеских происков — тайного заговора и скрытой агрессии. Квинтэссенцию тоталитаризма Арндт видела в концлагерях и лагерях смерти. «Убийство, — писала она, — происходит здесь совершенно не глядя на личность, как будто давят мух или комаров»⁴.

То, что концлагеря были созданы для того, чтобы в кратчайшие сроки разрушить человеческую защитную оболочку узников, подтверждает польский социолог Анна Павельчинска, пережившая Освенцим, в исследовании «Ценности и насилие», которое она опубликовала в 1973 году на основе собственных наблюдений. В лагере человек сохранял лояльность только по отношению к своей конспиративной группе, потому что от этого зависело, сможет ли он выжить.

Еще один поляк, переживший Освенцим, Тадеуш Боровски, представил этот механизм намеренного обезчеловечения пленных в своих освенцимских рассказах: «Скажите всю правду о том, как вы выжили, потому что украли у соседа по-

³ *Arendt H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. München, 1986. S. 527.*

⁴ *Arendt H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. München ; Zürich, 1993. S. 682.*

следний кусок хлеба», — писал он. От своего отца Боровски знал о реалиях советских лагерей, однако все равно стал сталинистом. В 1951 году он покончил жизнь самоубийством, отравившись газом...

Для Чеслава Милоша, ставшего позднее лауреатом Нобелевской премии, поэта и бывшего дипломата ПНР, Боровски стал одной из главных фигур в сведении счетов с «порабощенным разумом» сталинизма — так звучало название его книги на немецком языке⁵ — фигур польских интеллектуалов, зараженных «гегелевским вкусом», которые если и не приукрашивали коммунистическое господство насилия, то, как минимум, усваивали его и начинали относиться к нему рационально.

Когда в 1951 году Милош отправился в изгнание, холодная война была в зените. В Корею она протекала в форме военных действий, а на конгрессах по культуре во Вроцлаве в 1948 году и в Брюсселе в 1950 году война шла в форме культурно-политических и интеллектуальных дебатов. Оруэлл со своим «1984», Иньяцио Силоне, Артур Кёстлер, позднее Милован Джилас разоблачали тоталитарную сущность коммунистического режима.

Трудно сказать, какое вдохновляющее влияние оказала на Чеслава Милоша книга Ханны Арендт о тоталитаризме. Благодаря посредничеству Жанны Эрш, которая, как и Ханна Арендт, училась у Карла Ясперса, они встретились. Но, хотя Милош с его романом «Завоевание власти» в своих размышлениях о природе зла в истории во многом соглашался с мыслями Ханны Арендт, более глубокого знакомства между ними не произошло. Оба говорили на английском и французском, но их мыслительные процессы были очень укоренены в родных языках — немецком и польском — и чересчур направлены на принципиально разнополюсные экзистенциальные драмы их собственных народов — жертвы и пособника.

⁵ Оригинальное польское название книги Милоша — «Zniewolony umysł». В переводе на немецкий язык она вышла под названием «Verführtes Denken». — *Прим. пер.*

Книга о тоталитаризме проложила для Ханны Арендт путь к ведущим американским и западноевропейским журналам. В 50—60-х годах она опубликовала эссе о таких философах XIX века, как Кьеркегор, Ницше и Маркс, позже эти эссе вышли в сборнике «Между прошлым и будущим». В двух крупных исследованиях о революции и о насилии она рассматривала ленинскую работу «Государство и революция». Американскую революцию она предпочитала французской.

Британский марксист Эрик Дж. Хобсбаум подозревал в этом дань уважения к стране, где в 1941 году она нашла пристанище, будучи беженкой из Германии и Франции. Но у нее была мощная доказательная база. Американская революция создала республиканскую систему свободы, хотя американский «ситуайен», гражданин, как она сама жаловалась, скукожился до размеров мелкобуржуазного потребителя. Однако Французская революция вообще промахнулась мимо свободы, потому что при Робеспьере началось господство террора. После революций в Восточной и Центральной Европе 1989 года известный французский историк Франсуа Фюре в работе «Прошлое одной иллюзии»⁶ косвенно признал правоту Ханны Арендт.

Становится очевидным, почему в 1989 году труды Ханны Арендт были в Польше так популярны. Ее указание, что возможны свободные ненасильственные революции, которые будут совершаться путем переговоров между свободными людьми, вполне соответствовало реальности «круглых столов» и переходных периодов с полусвободными, но тем не менее вполне аутентичными выборами. С этой точки зрения 1989 год в Центральной и Восточной Европе был гораздо более «американским», нежели «французским», несмотря на гласность и Перестройку.

Лех Валенса нашел для этого совершенно ясное высказывание, когда он начал выступление в Конгрессе США словами преамбулы к американской конституции «Мы, народ...» („We,

⁶ *Furet F. Le Passé d'une illusion. Essai sur l'idée communiste au XXe siècle. P., 1995.*

the People⁶). Председатель «Солидарности», независимого профсоюза, который выстоял во время военного положения и насчитывал восемь миллионов членов, — в этой фразе ни в коем случае не было плагиата. За исключением казни Чаушеску в Румынии, освобождение Центральной и Восточной Европы от коммунизма обошлось без расстрельных команд. Борис Ельцин выдал Эриха Хонеккера объединенной Германии — в Берлине его отдали под суд за приказ стрелять на границе ГДР, приговорили и после частичного отбытия наказания отпустили в чилийскую ссылку. В Польше Тадеуш Мазовецкий, первый некоммунистический премьер-министр, словами о «жирной черте», которую следует провести, чтобы отделить прошлое, завершил многолетние жаркие споры о том, можно ли действительно оставить безнаказанными пособников старого режима (*ancien régime*). Двадцать лет спустя радикально-консервативный поэт Ярослав Марек Рымкевич сказал, что историю питает лишь кровь, пролитая в братоубийственной борьбе.

Однако Третья Польская Республика нашла соломоново решение. Хотя генерала Ярузельского, «архитектора» военного положения в 1981 году, но и создателя «круглого стола» в 1989-м, все же судили, юристы не выносили никакого суждения о его исторической роли. До самой смерти он жил в Варшаве, часть поляков его уважали, в том числе и его бывший политический заключенный Адам Михник, а часть — открыто презирали.

Ханну Арендт восточный блок интересовал лишь постольку-поскольку. Ни прорыв «Солидарности», ни возникновение самиздата в СССР, ни гражданско-правовые и общественные инициативы в ЧССР и ГДР ей не довелось увидеть или как-то с этим столкнуться. По понятным причинам взор ее был направлен в основном на Германию, на историческое осознание ответственности и вины за геноцид европейских евреев.

Она сопротивлялась видению национал-социализма как следствия германской истории мысли, хотя такое видение было весьма соблазнительным. «Так называемая “германская проблема” не является германской проблемой, — писала она, —

совершенно ошибочно объяснять нацизм особыми чертами немецкого характера или пытаться вывести его из германской традиции. Нацизм не является частью западной традиции, будь он немецкий или чей-то еще, католический или протестантский, греческий или римский. Ни Фома Аквинский, ни Макиавелли, ни Кант, Гегель, Ницше — и этот список литературы по немецкой проблеме можно продолжать бесконечно — не могут нести ни малейшей ответственности за то, что происходило в немецких лагерях смерти»⁷. Нацизм был для нее закатом всех немецких или европейских традиций.

Всю жизнь она чувствовала свою связь с немецкой культурой. Продолжая дружбу с Хайдеггером после 1945 года, она таким образом отдавала дань не только старой любви, но и связи с его философией — и благодарности за его красноречие. Она писала на английском языке, но думала по-немецки — немецкие переводы своих работ она правила, дополняла и уточняла настолько, что их, в принципе, можно считать первоисточниками. И она защищала тех интеллектуалов, которые в «смутные времена» умели самоутвердиться, не поддаваясь соблазну.

Конечно, уже во время жизни в Кёнигсберге ей было ясно, что она — еврейка. Семья Арендтов была ассимилированной. Ее еврейское происхождение стало представлять собой проблему лишь к концу ее учебы. Она как раз писала работу о Рахель Фарнхаген, когда 27 февраля 1933 года был совершен поджог рейхстага, и последовавшие за этим событием неприкрытое насилие и переход многих немецких интеллектуалов на сторону нацистов шокировали ее. По поручению сионистской организации она документировала антисемитские выходки, ее арестовали, но вскоре выпустили. Через Прагу она бежала в Париж, а после оккупации Франции в 1941 году попала в США. Ключ к ее пониманию ситуации евреев в Германии Курт Зонтхаймер находит в двух последних главах книги о

⁷*Arendt H.* Das 'deutsche Problem' ist kein deutsches Problem // In der Gegenwart. München, 2000. Anm. 1.

Фарнхаген «Между парией и парвеню» („Zwischen Paria und Parvenü“) и «От еврейства не уйти» („Aus dem Judentum kommt man nicht heraus“): социальный выскочка, который вертится и изворачивается как может, чтобы продвинуться вперед в бюргерском обществе, получить признание. Она сознательно сохранила эту роль и одновременно подвергла ее критическому анализу.

Ярче всего это проявилось в ее книге об Эйхмане. В апреле 1960 года израильские спецслужбы похитили и вывезли в Иерусалим бывшего оберштурмбанфюрера СС Адольфа Эйхмана. Ханна Арендт написала серию репортажей о процессе. В 1964 году они вышли в форме книги и вызвали невероятную волну споров среди еврейских интеллектуалов в Америке и Израиле.

Критика концентрировалась вокруг нескольких пунктов: во-первых, ее критиковали за подзаголовок «Банальность зла» (книга называется «Эйхман в Иерусалиме»), во-вторых, автора критиковали за суждение о сопричастности, совиновности так называемых «юденратов»⁸, органов самоуправления в гетто, учрежденных по инициативе нацистов, в-третьих, критики выступали против ее оценки юридической правдоподобности процесса — она поддерживала смертный приговор, но порицала показательный характер процесса, устроенный в интересах израильского правительства.

Ханну Арендт обвинили в немецко-еврейском высокомерии, своего рода «еврейской ненависти к самим себе». Говорили, что она бессердечно и бесчувственно относится к судьбе еврейского народа. Мол, только моральным чванством можно объяснить, почему она довольно мягко отзывается об Эйхмане, но при этом очень жестко пишет о евреях. Сорок лет спустя буря в основном улеглась. До тех пор, пока фильм режиссера Маргареты фон Тротта не напомнил о ней.

⁸ Юденрат (нем. Judenrat, мн. Judenräte — «еврейский совет») — в годы Второй мировой войны административный орган еврейского самоуправления, который по инициативе германских оккупационных властей в принудительном порядке учреждался в каждом гетто для обеспечения исполнения нацистских приказов, касавшихся евреев.

Расположение протагонистов в фильме «Ханна Арендт» демонстративно. С одной стороны, женщина, в мышлении которой «нет препятствий», а с другой — кабинетный чинуша, который говорит сплошные банальности, утверждая, что лично он никого не убивал, а всего лишь выполнял приказ. Не монстр, а «самый обычный человек». В этом состоял тезис Ханны Арендт.

Эта точка зрения не была новой. Уже в 1938 году Томас Манн использовал выражение «братец Гитлер», говоря о «немецком брате». И возможно, книга «Эйхман в Иерусалиме» не вызвала бы такого возмущения, если бы тезис о «банальности зла» не был увязан с каверзным вопросом о степени вины еврейских советов — юденратов. Многие критики книги были возмущены тем, что в глазах Арендт убийца выглядел клоуном, а его жертвы — пособниками убийств. Философ и теолог Гершом Шолем обвинил ее в отсутствии веры и любви к еврейскому народу, на что она ответила предложением, которое уже стало классикой: она любит только конкретных людей, а не народы или нации. Об этом и идет речь в фильме.

Тротта хотела воздвигнуть своего рода кинопамятник Ханне Арендт, но она оживила давний конфликт. В журнале «Нью-Йоркское книжное обозрение» („New York Review of Books”) Марк Лилла еще раз обратился к спорным моментам книги. Он указал, что сама Арендт позже дистанцировалась от своей удобной формулы банальности зла и что позднейшие биографии Эйхмана разоблачали ее неверный образ Эйхмана. Он не был бессердечным возницей смерти, наоборот, был пылким антисемитом и вероломно, до мельчайших деталей планировал еврейское мученичество.

Остается открытым вопрос, действительно ли Арендт оказалась обманута одной из масок Эйхмана, которые он придумал, чтобы избежать виселицы, или же она вошла в зал суда, уже держа в голове готовую схему. Доказательством этого была бы утайка уже опубликованных тогда признаний Эйхмана, сделанных голландскому эсэсовцу: «Я был не только тщательным бюрократом, но и фанатичным борцом за чистоту

крови... То, что хорошо для моего народа, является священной заповедью и законом для меня... Я был бы рад, если бы нам удалось убить десять миллионов евреев. Тогда я мог бы сказать, что мы избавились от врага...»⁹

Лилла отдает дань уважения заслугам Ханны Арендт в попытке продемонстрировать и понять все элементы «окончательного решения еврейского вопроса», которые соединили палачей и их жертвы. Но ее честолюбивое желание найти схему размышления, которая позволила бы понять и осудить весь этот ужас, повело ее ошибочным путем. Эйхман смог обхитрить ее, считает Лилла, потому что она хотела справиться с ним при помощи хайдеггеровского интеллектуального инструментария, по которому в близкой человеческой массе лишь мышление обеспечивает «аутентичность». Она была убеждена, что через понимание опыта нацизма можно от него избавиться. Но холокост нельзя ни понять, ни объяснить. Его можно только документировать.

Именно такую конструкцию избрал Клод Ланцман для своего шокирующего документального фильма. В том же «Нью-Йоркском книжном обозрении» он признался, что рассматривал свой фильм «Шоа / Shoah» как прямую полемику с тезисами Ханны Арендт. Во время многолетних исследований и съемок для «Шоа» его железным принципом было «Не-понимание» — единственно возможная моральная позиция по отношению к холокосту.

Свой последний фильм — о единственном члене юденрата, дожившем до наших дней,— Ланцман также снял как сознательную полемику с Ханной Арендт. Но на этот раз он хотел понять. В основе фильма — подробное видеинтервью Бенямина Мурмельштейна, последнего председателя юденрата лагеря Терезиенштадт, которое Ланцман записывал в течение недели в 1975 году. Мурмельштейн ничего не отрицает, но подчеркивает, что не он, а Эйхман диктовал условия. Если бы он, Мурмельштейн, не взял на себя эту роль, было бы убито

⁹ *Wojak I. Eichmanns Memoiren — Ein kritischer Essay. Frankfurt a/M., 2001. S. 63.*

еще больше людей. Ханна Арендт использует прямо противоположный аргумент — без еврейских советов-юденратов машина убийств начала бы давать сбой.

Мурмельштейн не подвергался суду и не был приговорен. Его арестовали в Чехословакии, но отпустили без процесса. Еврейские общины презирали его, во время эйхмановского процесса его не вызывали в качестве свидетеля. После его смерти не был прочитан кадиш¹⁰, и ему было отказано в упокоении рядом с могилой жены. В беседе он признался, что его одинаково презирали и евреи, и нацисты. Он считал себя кем-то вроде Шехерезады, которая рассказывала сказки смертникам, чтобы укрепить их жизненную силу, но в то же время он помогал сохранять ход машины убийств. Эта игра его действительно возбуждала. В 1939 году он мог остаться в Лондоне, куда отправился с соизволения Эйхмана, чтобы договориться о выезде венских евреев. Однако он вернулся и стал «последним из неправедных». В конце фильма Ланцман кладет руку ему на плечо.

Преступление и наказание, вина и покаяние в эпоху тоталитарных революций — великая тема XX века. Как измерить их, как с ними обращаться, такой сложный вопрос возник после победы над Третьим рейхом, и он же вновь возник после крушения коммунизма. Нюрнбергский процесс лишь условно установил масштабы. Моральный шок Германии, на который была надежда, потерял часть своей силы, потому что этот процесс был «судом победителей», на котором победители замалчивали свои собственные преступления — такие, как массовые расстрелы польских военнопленных и членов семей польских руководителей, совершенные НКВД. Стандартная процедура денацификации была доведена до абсурда, когда все четыре оккупационные власти стали принимать на работу нацистов, если те оказывались послушными сотрудниками.

Спорной оказалась и личная «самоденацификация». Карл Ясперс, наряду с Хайдеггером бывший вторым большим учи-

¹⁰ Кадиш — еврейская поминальная молитва. — *Прим. пер.*

телем и другом Ханны Арендт, в 1946 году написал свою потрясающую книгу и помог немцам справиться с их личным «вопросом вины». Он рассматривал четыре категории вины:

Во-первых, криминальная: я убивал своими руками, то есть был сознательным и активным соучастником организованного убийства — это относится к компетенции суда.

Затем политическая вина: я испытываю ее как член преступных организаций, потому что я участвовал в создании этой человеко ненавистнической системы и в подавлении ее противников — последствия должны определить победители.

Моральная вина: я был попутчиком, закрывал глаза на преступления других — и, хоть вина эта ненаказуема, я не имею права устраняться, ответственность за произошедшее остается. Ни одна государственная структура не может дать мне отпущение грехов — а только те, в отношении которых совершалась несправедливость.

И наконец, вина метафизическая. Она затрагивает тех, кто внутренне был против, но не имел силы, чтобы оказать открытое сопротивление. «Мы, которые выжили... предпочли остаться в живых, по той слабой, хоть и верной причине, что наша смерть никому бы не помогла. Наша вина в том, что мы живы». Таким образом он выступил против «коллективной вины» и заменил ее — можно сказать и так — на заповедь «коллективного стыда».

Было бы уместно указать на нестыковки в том, как Ханна Арендт рассуждает о вопросе вины. Несмотря на формальные сомнения, она высказалась за смертную казнь для Эйхмана. Его криминальная и политическая вина была очевидна. Она явно примирилась с молчанием Хайдеггера о его собственной моральной вине. В отношении более чем метафизической вины некоего Бенямина Мурмельштайна она воздержалась от высказывания, израильский суд также не захотел расследовать это дело. Но моральная вина еврейских коллаборационистов была включена в контекст ее представлений о «банальности зла» без достаточного указания на их вынужденное положение — и как раз об этом говорит Ланцман в фильме о «последнем из неправедных» Бенямине Мурмельштейне.

Моральная философия Ясперса, которую разделяла Ханна Арендт, сопровождала немецкое «преодоление прошлого» в 50—60-е годы — независимо от его (и ее) неверных оценок развития Федеративной Республики Германии. Так, создание большой коалиции с Вилли Брандтом на посту министра иностранных дел они оба рассматривали как возможное отступление к антидемократическому прошлому...

Вопрос немецкой вины и покаяния получил в 60-е годы историко-философское и актуально-политическое измерение: процессы над палачами Освенцима в 1963—1965 годах сопровождались «фишеровскими дебатами» о немецком «рывке к мировому господству», следствием вопроса военной вины 1914 года и германо-французского примирения в 1963 году стало моральное обоснование неизбежного признания границы на Одере и Нейсе в так называемом «Восточном меморандуме» евангелической церкви в 1965 году. Последовавшее за этим письмо польских епископов своим немецким собратьям показало моральное измерение Восточной политики¹¹. Фраза «мы прощаем и просим о прощении» звучала в унисон с классификацией, данной Ясперсом. Представители народа, подвергшегося нападению и поруганию, предлагали прощение и в то же время указывали на преступления самих жертв.

Коленопреклонение Вилли Брандта в Варшаве было воспринято как немой ответ на этот жест. Канцлер ФРГ преклонил колени перед памятником гетто, но в связи с отказом от притязаний на территорию Восточной Германии в пользу польского государства этот жест воспринимался как знак по отношению ко всем жертвам немецкой военной агрессии в Польше...

От политической философии Ханны Арендт ускользнула важность германо-польских взаимоотношений. Несмотря на свою кёнигсбергскую юность, она всю свою жизнь оставалась

¹¹ Ostpolitik (нем.) — «Восточная политика» — политика Федеративной Республики Германии, направленная на нормализацию отношений с Советским Союзом, Германской Демократической Республикой, Польшей и другими странами коммунистического блока начиная с 1966 года.

западной европейкой. В книге о тоталитаризме она упоминает пакт между Гитлером и Сталиным, но ее анализ касается прежде всего внутривластных структур тоталитарных империй. Однако прорыв в отношениях именно этих двух соседей — Германии и Польши — дал самый важный импульс к историческим преобразованиям в этой части Европы.

Таков обоснованный тезис именитого немецкого историка Генриха Августа Винклера, высказанный в его «Истории Запада». Революция 1989 года в Центральной и Восточной Европе разрешила два столетних «европейских вопроса» — «немецкий» (вопрос единства) и «польский» (вопрос свободы). Впервые с XVIII века интересы обеих наций не были противоположны друг другу, между ними не было экзистенциального противоречия, наоборот, они друг друга дополняли, потому что теперь в Центральной и Восточной Европе не распоряжались тоталитарные или авторитарные империи, а главенствовала демократическая воля народов.

Разумеется, в 1989 году в Польше охотно зачитывались книгами Ханны Арендт. С интеллектуальной точки зрения это была «ее» революция. Правда, ее теория тоталитаризма получила расширение. В книге «Марксизм и прыжок в царство свободы. История коммунистической утопии» (1996) Анджеи Валицки, профессор Варшавского университета и университета Нотр-Дам в США, подчеркивал, что теория тоталитаризма должна быть расширена путем анализа ступеней или этапов детотализации в соответствующих странах, а в 1951 году Ханна Арендт не могла этого предвидеть. Речь идет об Оттепели в СССР после смерти Сталина, о тайном докладе Хрущёва в 1956 году, о «полутоталитарных» переходных стадиях, как «гуляшный коммунизм» Яноша Кадара в Венгрии или «предемократический авторитаризм» Ярузельского в Польше, который параллельно с горбачёвской Перестройкой вводил структурные реформы, конституционный суд и институт уполномоченных по правам человека, а в 1987 году даже осмелился провести референдум, который тут же и проиграл. Но даже эта поправка не ослабила принципиальную структуру ее теории тоталитаризма.

Конечно, возникает вопрос о том, где же мы сейчас. Революция совершилась в 1989 году; сейчас, двадцать пять лет спустя, перешла ли она в «бонапартистскую» фазу, когда насилие и стремление к власти через республиканские договоренности берут верх над кантовским «вечным миром»? Оказалась ли Ханна Арендт в тени Карла Шмитта?

Через двадцать пять лет после Великой французской революции Венский конгресс навязал Европе «Священный союз» консервативных супердержав, которые поделили между собой государства и нации, а вскоре после этого — с помощью «Карлсбадских решений» — ввели антилиберальные и антидемократические законы. Их следствием стали революции, восстания, освободительные и пограничные войны. Девятнадцатый век в Европе, исполненный открытых «немецких», «польских», «итальянских», «греческих» и «балканских вопросов», был весьма далек от того «ясного чистого мира», как его пытаются представить авторитарные политики. Лето 1914 года не было ни «первичной катастрофой», ни лунатическим бредом восьмидесяти неспособных руководителей». Запалы мировой войны были заложены в 1815 году в Вене, но истоки европейской катастрофы в этой части континента возникли еще раньше, а именно в тот момент, когда нарождавшиеся супердержавы разрушили правовой порядок, который был установлен в 1648 году в Вестфальских мирных договорах.

Лакмусовой бумажкой этой катастрофы стала делегитимизация и уничтожение польско-литовского союза, который, как считает Норман Дэвис, был содружеством народов, но в силу своей безоружности представлял собой подходящий объект для завоевания и аннексии. Попытка его реформы была прервана военным вмешательством извне, пропаганда заклеила его как анархию и якобинскую опасность, лишив легитимности, наконец, он был уничтожен. Великий кёнигсбержец Иммануил Кант в работе «К вечному миру» критиковал раздел Речи Посполитой. Подданный прусского короля и один из сообщников, он выразил свою критику в завуалированной форме, не называя жертвы, но он все-таки это сделал.

Ханна Арендт, другая кёнигсбержка, разоблачала германский и советский тоталитаризм, не углубляясь в подробности его власти в Польше. Она преклонялась перед венгерской революцией 1956 года, но лишь 1989 год подтвердил правильность ее мысли. «Солидарность», Перестройка, круглые столы, массовое бегство жителей ГДР на Запад и длинный список претендентов на членство в евроатлантических структурах доказывают, что именно она, а не Карл Шмитт, лучше уловила дух времени на переломе тысячелетий. Подтвердится ли истинность этого суждения в 2015 году, покажет время. Наступает очередной год юбилеев. Грядут юбилеи продиктованных победителями мирных договоров в Вене, Версале, Потсдаме — и близится юбилей осознания вопроса о собственной вине...

Пер. с нем. С. Колбанёвой, под ред. А. Н. Саликова

Список литературы

1. *Arendt H.* Das 'deutsche Problem' ist kein deutsches Problem // In der Gegenwart. München, 2000. Anm. 1.
2. *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. München ; Zürich, 1993.
3. *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. München, 1986.
4. *Furet F.* Le Passé d'une illusion. Essai sur l'idée communiste au XXe siècle. P., 1995.
5. *Wojak I.* Eichmanns Memoiren — Ein kritischer Essay. Frankfurt a/M., 2001.